

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук Слабодкиной Татьяны Александровны

на тему: «Речевые сбои в диалогах детей 10-12 лет (на материале русского языка)»

по специальности 10.02.19 – «Теория языка»

Рецензируемая диссертация озаглавлена «Речевые сбои в диалогах детей 10-12 лет (на материале русского языка)» и действительно, центральное место в этой работе занимает описание возникающих в диалоге нарушений плавного развертывания речевого потока; однако автор реализует более широкую исследовательскую программу, а именно, предпринимает комплексный дискурсивный анализ диалогов, которые продуцируются испытуемыми данной возрастной группы в ходе совместного решения задачи – идентификации объекта, не имеющего общепризнанного именованного, по его описанию.

Это оригинальное исследование, новое и по постановке задачи, и по материалу, и по полученным результатам. Впервые систематическому экспериментальному исследованию на русском материале подвергнут диалогический дискурс детей в предподростковом возрасте 10-12 лет, когда грамматика освоена практически полностью, имеется достаточно большой словарный запас, но еще не до конца сформированы дискурсивные умения. На мой взгляд, главное достижение этой работы в том, что получен и проверен один из возможных способов сравнительной оценки дискурсивных навыков, и с использованием этого метода экспериментально доказано, что в предподростковом возрасте эти навыки развиты слабее, чем у взрослых.

Общая идея, которая стоит за проведенной серией экспериментов, состоит в следующем: если действительно в предподростковом возрасте дискурсивные умения и в особенности, умение построить продуктивный диалог, еще не полностью развиты, то при выполнении совместной задачи, которая требует эффективного вербального поведения, предподростковая команда будет уступать взрослым. Для экспериментальной проверки этого предположения двум когортам испытуемых – взрослым и детям 10-12 лет – было предложено решать один и тот же набор задач по идентификации объекта. Диалоги между испытуемыми, которые велись в ходе решения задачи, записывались. Пионерская часть

исследования состоит в том, что для сравнения этих диалогов был предложен набор метрик и в значениях этих метрик между взрослыми и детскими диалогами были установлены статистически значимые различия. Перечислю и прокомментирую некоторые из них.

1. Успешность выполнения задания, т.е. количество ошибок при выполнении задания – взрослая команда имеет на выходе меньше ошибочных решений.
2. Общее время выполнения задания – взрослая команда выполняет задание быстрее.
3. Паузация – (а) у взрослых меньше абсолютных пауз длительностью более одной секунды; (б) у взрослых меньшая продолжительность пауз между репликами
4. Интересно, что длительность диалога в словах не показала статистически значимого различия – учитывая, что взрослые значимо быстрее справлялись с заданием, отсутствие разницы в числе произнесенных слов должно говорить о том, что темп речи у взрослых выше; и действительно, показано, что взрослые достигают более высокого темпа и за счет более быстрого произнесения «словесной» части реплики, и за счет меньшей продолжительности пауз.
5. Во взрослых диалогах меньше самоисправлений (измерения даются в приведении к числу слов).
6. Взрослые быстрее принимают совместные решения на основе вербального взаимодействия – длительность третьей попытки при решении совместной задачи у взрослых меньше, т.е. взрослым требуется меньше «подходов к снаряду», уже на первой-второй попытке они договариваются о максимально эффективной вербальной стратегии.

В целом, это высоко профессиональное, что называется, крепко сработанное исследование. Умело выстроен и грамотно реализован дизайн эксперимента. Тщательно описаны все детали дизайна, процедуры документирования результатов, этапы их обработки. Все это позволяет говорить, что осуществленный эксперимент удовлетворяет требованию воспроизводимости. Эксперимент имеет и достаточный уровень экологической валидности, поскольку индуцируется только цель коммуникации, в то время как ее реализация является полностью спонтанной. Собранный корпус

аудиозаписей и ассоциированных с ними размеченных транскриптов имеет самостоятельную ценность и будет востребован исследователями живой русской речи. Автор прекрасно владеет академическим стилем изложения, текст диссертации что называется reader friendly – и глобальная и локальная структура этого научного дискурса очень четко выдержана, все логические ходы читателю последовательно предъявлены. Татьяна Александровна хорошо знает историю вопроса: заметно внимательное, неформальное отношение к обзору работ предшественников.

Я бы также отдельно отметила небольшой раздел с благодарностями тем, кто помог в работе. Если в западных диссертациях такой раздел практически обязателен, в российских диссертациях это, к сожалению, пока не очень принято. Так что, возможно, Татьяна Александровна станет одним из пионеров правильного начинания.

Остановлюсь теперь на некоторых дискуссионных моментах работы. Первое. В работе убедительно показано, что у детей значимо выше, чем у взрослых доля незаполненных длинных пауз (т.е. пауз длительностью более 1 сек). Однако осталась не вполне проясненной причина этого феномена – является ли это следствием собственно речевых трудностей или трудностей с решением поставленной задачи. Это не снижает ценности установленного факта, но его объяснение нуждается в более глубокой проработке. Функциональная интерпретация не только сверхдлинных, но и вообще всех абсолютных пауз – общая спорная проблема в исследованиях устной речи: в связи с тем, что паузы играют роль в сегментации речевого потока, нужны для физиологически необходимого перерыва на вдох, а также являются сигналами хезитации, очень трудно решить, в каких случаях они могут квалифицироваться именно как речевые сбои. В некоторых исследованиях критерием является локализация абсолютной паузы: например, хезитационными признаются только паузы внутри речевого сегмента, а пограничные паузы таковыми не считаются. В других исследованиях вводится порог по длительности, и паузы признаются хезитационными, только если их продолжительность выше порога. В данной работе учету подвергнуты все паузы, поэтому полученные результаты трудно числить исключительно по ведомству речевых сбоев. Скорее, собранные данные о длительности и локализации пауз, сопоставление по этому параметру когорт испытуемых разного возраста проливают свет на общие коммуникативные процессы, показывая, как работают метрики плавности. При этом мы далеко не всегда можем установить, чем

вызвано нарушение плавности – вербальной причиной, например, проблемой поиска адекватной номинации, или невербальной, например, проблемой поиска подходящей для конкретной танграммы геометрической аналогии.

Второе. Осталось неясным, выполнялось ли сегментирование речи и разметка пауз непосредственно в программе PRAAT, т.е. имеются ли полные текстгриды для каждого диалога, из которых длины пауз переносились в транскрипт (полу)автоматически, или длина пауз и иных просодических явлений выставлялась в PRAATe каждый раз отдельно? Судя по тому, что длины пауз указаны с точностью до десятых долей секунды, скорее всего, верно второе. Это совершенно приемлемо: так например, производилась разметка пауз в ранних версиях корпусов ресурса spokencorpora.ru (там, правда, они размечены с точностью до сотых долей секунды), но было бы правильно уточнить этот момент процедуры.

Третье. Разъясняя систему нотации речевых сбоев, автор указывает, что обрыв слова обозначается в транскрипте знаком равенства, а «самоисправления, или фальстарты знаком «||» (две вертикальных черты, стр.70). Далее, автор указывает, что внутри самоисправлений не производилось деления на подвиды «по различным критериям, в том числе, в зависимости от их характера (отмены или замещения) и расположения внутри или на границе в элементарной дискурсивной единице (сильные и слабые фальстарты)» (стр.76). Тут возникает несколько вопросов. Во-первых, в самих транскриптах возникает знак «==» (двойное равенство), который в тексте работы не был введен. В корпусе «Рассказов о сновидениях», на который ссылается Татьяна Александровна, этот знак использовался для обозначения обрыва фразы (элементарной дискурсивной единицы в терминологии разработчиков этого корпуса) – в отличие от обрыва слова, для которого использовался одиночный знак равенства. Судя по примерам, по крайней мере, в ряде случаев, двойное равенство используется автором в транскриптах именно в такой функции, см. пример 25 (стр. 78) *первой картинкой должна быть == ээ(0.4) …(0.6) в общем там человек*. Значит, все-таки сильные и слабые фальстарты разграничиваются в транскриптах? Но ведь сегментация в авторском корпусе производилась только по границам реплик, внутри реплик дальнейшего членения, в том числе членения на элементарные дискурсивные единицы не проводилось и это понятие вообще не используется. Возникает впечатление, что автор попытался различие между этими двумя

типами самоисправлений провести, но систематически это сделать не удалось, а в транскрипте просто сохранились следы таких попыток. Во-вторых, как кажется, условия употребления одинарного знака равенства недоопределены. На стр. 74 эксплицитно сказано, что этот знак обозначает обрыв слова. Между тем, обнаруживаются примеры, читатель обрыва слова не видит, ср. пример 20 (стр.76) *ну там стоит= || он стоит на одной ноге* или пример из приложения (стр.144):

И: а правая= ||

Р: да а правая отгрызана я понял да

Опять же в цитируемом автором корпусе «Рассказы о сновидениях» этот знак использовался и для сверхкраткого произнесения последнего звука в слове, т.е. такого произнесения, которое перцептивно воспринимается как обрыв, но обрыв, который не может быть отражен непосредственно в графической версии слова. Следует ли этому правилу Татьяна Александровна, остается неясным.

Четвертое. В рамках предложенного дизайна у участников диалога были фиксированные роли «инструктора» и «раскладчика», они были по-разному задействованы в совместном решении задачи. Поэтому мне представляется, что было бы полезно рассмотреть некоторые параметры – например, длительность и частность пауз, частотность самоисправлений – отдельно для «инструкторов» и «раскладчиков». Может быть, например, разная длительность пауз покажет, какая часть задачи вызывает больше затруднений – поиск адекватной номинации для «инструктора» или идентификация объекта по предложенной номинации» для раскладчика.

Пятое. В некоторых случаях при упоминании полезных для данной работы исследований других авторов нужны более полные указания на источник. Так, в разделе 2.2.8.7 обсуждается феномен уменьшения количества ошибочных решений в каждой следующей попытке при выполнении совместной задачи. На стр. 93 сказано, что результат «согласуется с проводившимися ранее экспериментами с помощью фМРТ (функциональной магнитно-резонансной томографии): активация к четвертой попытке по сравнению с первой уменьшается». Это очень важная параллель, но подтверждающей библиографической ссылки читатель, к сожалению, не находит.

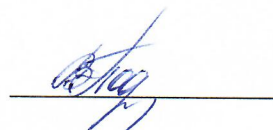
Очевидно, что высказанные критические замечания носят частный характер и не могут отменить высокую оценку этой значительной и новаторской работы. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.19 – «Теория языка» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Татьяна Александровна Слабодкина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – «Теория языка».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор
Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования "Российский государственный гуманитарный университет" (РГГУ)

Вера Исааковна Подлеская

Шифр и наименование специальности, по которой защищена диссертация:

10.02.22. Языки народов зарубежных стран Азии, Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

125993, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д.6, РГГУ

+7 499 9734755:

vi_podlesskaya@il-rggu.ru

Подпись сотрудника удостоверяю:

Берниев Федорович В. И.
Удостоверено
начальник Управления кадров
Иванов И. А. Чельмина
22.03.2021